М. Романенкова
Литовский эдукологический университет (Литва)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ (на материале русской и литовской литератур)

В статье, в качестве вводных замечаний к раскрытию темы, рассматривается актуальность проблемы национальной идентичности в гуманитарной научной сфере. Предметом рассмотрения являются некоторые современные литературоведческие тенденции (методы и методологические подходы) в изучении этой проблемы. Разделяя точку зрения на литературу как на релевантный источник материала для изучения национальной идентичности (М.К. Попова) и учитывая современные российские и литовские литературоведческие интерпретации, в данной статье проводится сравнительный анализ произведений русской и литовской постмодернистской литературы (Вен. Ерофеева, Р. Гавялиса, Ю. Кунчинаса) с целью представить национальные варианты «конструирования» идентичности в советском обществе 1960–1980-х годов XX века. Объектом анализа является художественная функция столичных городов — Москвы и Вильнюса: анализируется корреляция архитектурных метафор государственной власти и этнокультурного своеобразия — как советского идентификационного пространства в проекции на личностную национальную идентичность. Как показало исследование, критерии национальной идентификации в художественном произведении трансформируются в знаки культурного пространства, и этот процесс в значительной степени реализуется как идентификация этнокультурная, что может быть интерпретировано как компенсирующая и защитная реакция на кризис «советской» идентичности. Представляется, что проведенный анализ произведений двух литератур позволит уточнить представление о культурной составляющей в компаративном литературоведческом исследовании, а также сделать новые наблюдения над соотношением тенденций глобализма и национального в перспективе изучения типов национальной идентичности в европейской литературе и культуре.

Ключевые слова: национальная идентичность; русско-литовские литературные связи; советская столица; постмодернистское культурное пространство.

M. Romanenkova

National Identity in Comparative Research (of Lithuanian and Russian Literatures)

This article opens up with an account of topicality of the issue of national identity in humanities. The subject of the analysis are some contemporary trends (methods and methodological approaches) of the research of this problem. Sharing the point of view that literature is a relevant data source for a research into national identity (M.K. Popova) including both contemporary Russian and Lithuanian literary critical interpretations, the comparative analysis of several works of Russian and Lithuanian postmodernist fiction (Ven. Erofeyev, R. Gavelis, J. Kunčinas) is presented in this article with an intention of representing national variants of the identity "engineering" in the Soviet society of 1960–1980-es. The object of the analysis is the artistic function of capital cities: Moscow and Vilnius. The analysis is focused on correlations of architectural metaphors of state power and ethnocultural specificities, and particularly, the projection of the Soviet identification space on personal national identity. It follows from this research that the criteria of national identification within an artwork are transformed into signs of cultural space; this process mostly appears as an ethnocultural identification, which fact may be interpreted as a compensatory and protective reaction to the crisis of the "Soviet" identity. This analysis of works of two different literatures enables to specify the notion of the cultural component in comparative literary research and to reassess the correlation of the globalist and nationalist tendencies in the perspective of studying the types of national identity in the European literature and culture.

Keywords: national identity; Russian-Lithuanian literary connections; Soviet capital; postmodernist cultural space.

Вводные замечания

Статья обращена к анализу национальной идентичности в художественном произведении, и потому вначале необходимо сделать несколько замечаний относительно связи гуманитарных и, в частности, литературоведческих проблем с насущными для современности проблемами глобализации и культуры. Оживление интереса к проблеме национальной идентичности и ее осмыслению в гуманитарных науках последнего десятилетия — важная и интересная исследовательская тенденция, отражающая

новые приоритеты и направления. Это вызвано прежде всего происходящими геополитическими процессами. По словам философа и культуролога В. Куренного, «очевидно, что сейчас мы наблюдаем в Европе очень мощную волну националистических настроений. В каких-то странах она поднялась раньше, где-то только набирает обороты. <…> Национализм <…> — неотъемлемый элемент современности. Сказать, что Европа упразднила национализм своим проектом единого европейского пространства, конечно, неверно. Напротив, внутри этого проекта мы видим где-то возрождение, а где-то и рождение национализма. На фоне возрастающих экономических и миграционных проблем все громче звучат голоса, призывающие к той или иной форме восстановления национальных границ» [6]. Стремление граждан европейских стран во что бы то ни стало сохранить национальную идентичность заставляет философов, политологов, социологов, культурологов и других гуманитариев ставить под сомнение методы политики мультикультурализма и выявлять причины актуализации идеи национализма. Очевидно, что речь идет не о возврате к крайним формулировкам в трактовке национального, но об учете ретроспективной составляющей проблемы, а также о необходимости формирования каких-то новых видов и форм национальной идентичности в современной западноевропейской культуре [6].

Из актуальных публикаций последнего времени отметим сборник «Нация, язык и идентичность» («Tauta, kalba ir tapatybė», 2013) [29], посвященный проблемам национальной идентичности в Литве, ее динамики, значению языка как основы национального (само)сознания. В аннотации автор книги А. Норвилас подчеркивает, что ее появление было вызвано новой волной интереса к вопросам идентичности.

Теоретические предпосылки

Современные процессы позволяют глубже осознать сложность и многоаспектность проблемы национальной идентичности и литературы. Постмодернистское мышление, разрушившее

идею системной иерархии как организационной непреложности, внесло в понятия культуры, культурной целостности, культурного пространства семантику процессуальности, гетерогенности. По словам Н.В. Тишуниной, «в современном понимании целостность — это готовность к взаимодействию элементов структуры или системы. И поэтому целостность содержит в себе ту множественность, которая в динамике развития культуры все время будет разворачиваться в “веер возможностей”, а не в линейный процесс» [16: с. 6–7]. В центр научных интересов переместился феномен субъективного в культуре, в частности, проблема этнокультурного сознания, специфика исторической ментальности и др. Претендовавшие «на безусловную объективность, на фиксацию неких научно обоснованных данных о той или иной нации привычные формулировки, такие как «национальное своеобразие», «национальный характер», при обсуждении проблемы нации и национализма вытеснились иными — «национальная идентичность», «национальный стереотип» [18: с. 141]. Эти категории содержат в себе потенциал субъективного фактора, который и позволяет разворачивать дискурсивный «веер возможностей» как осознание своей инаковости по сравнению с Другим. Имеется в виду процесс (само)идентификации индивида с так называемыми коллективными нарративами. В этом случае, «поднимая проблему национальной идентичности, исследователь должен взглянуть на нацию не со стороны, а изнутри, показать, <…> что значит смотреть на мир глазами этого сообщества, через призму его ценностей» [18: с. 142]. Проблема выявления ценностей, далее, предполагает овладение современными методами литературоведческого и культурологического анализа, которые позволяют исследователю прочитать и «расшифровать» «спрятанные» в произведении культурные коды [13: с. 47].

Очень важна при этом роль базовых кодов культуры, которые «соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями культуры, в них фиксированы “наивные” представления о мироздании» [5: с. 297]. В художественном произведении такие коды создают тончайшие концептуальные нюансы художественных

образов «культурного пространства», в координатах которого и происходит этнокультурная и национальная идентификация, приобретающая статус ценности[1]. Представляется, что дискурсивная природа категории «национальная идентичность» позволяет выявлять функциональность культурных кодов как референтов «русскости», «украинскости», «литовскости», дефиниций, соотносящихся с субъективным восприятием нацией самой себя.

Особое значение проблема национальной идентичности приобретает как предмет сравнительных исследований литературы в контексте поиска новых подходов к исследованию национальных и межкультурных процессов. Признание неэффективности традиционной компаративистики с ее «узкой литературностью» [20: с. 639], констатация того, что «литературоведческая компаративистика, изучающая взаимообмен духовными ценностями, постепенно отходит от традиционно используемых терминов («влияние», «восприятие», «заимствование»)» [9: с. 23] — общее место в литературоведении. Каковы новые решения? В литовском литературоведении в течение семи лет осуществляется научный проект «Исследование компаративного метода европейской литературы» на основе нового понимания целостности культурного пространства как множественности. Выделились два направления исследований: теоретическое обсуждение концепта «Европейская литература» как «духовного и интеллектуального состояния Европы — общественно интегрального, но национально индивидуального» [30: p. 67] и исследование необходимого для литуанистики соотношения литовского и европейского канонов исторической поэтики [30: p. 64], принципов интеграции литовской и других европейских литератур с целью «продемонстрировать, как на многокультурном фоне проявляется национальное

[1] См. сборник научных статей «Проблема идентичности в литовской литературе XX века» («Tapatybės problema XX amžiaus lietuvių literarūroje», 2008 [28]), посвященный различным аспектам индивидуальной и коллективной идентичности в творчестве, автобиографии писателей, а также проблеме идентичности в теории знака А.Ю. Греймаса. Перевод с литовского языка в статье мой. — *М.Р.*

своеобразие» литовской литературы [30: p. 65]. В российской науке интенции как будто те же, но критерии другие. Высказывая полемический тезис о том, что «глобализация отрицает индивидуальность культуры», И. Шайтанов считает «глобальной посылкой современной компаративной теории» восходящую к идеям А. Веселовского и М. Бахтина концепцию «диалога культур» [20: с. 636–637]. Стремясь удержать и локализовать литературную составляющую в новой программе компаративного исследования, то есть «*не терять из виду природы поэтического слова*», подход, нацеленный на выявление «продуктивной разности» [20: с. 237, 639] поэтического слова отдельных культур, ученый концептуализировал как «Сравнительная поэтика». Другая тенденция, ставя акцент на динамике междисциплинарных исследований, «тяготеет в своих поисках к комплексному описанию механизмов межкультурных и литературных взаимодействий в их развитии» [9: с. 23]. Именно фактор динамики, «веер возможностей» (Н.В. Тишунина) в исследовании литературных взаимодействий обусловливает «необходимость создания иного (нетрадиционного) сравнительного литературоведения, способного выразить особенность нового подхода к литературному тексту — внутренне подвижной структуре, способной полностью развернуть свой смысл только «на перекрестке» культур» (цит. по: [9: с. 23]). Такой подход известен как метод культурного трансфера[2]. Применим ли его ракурс к изучению национальной идентичности в художественном произведении? Объектом исследования в теории культурного трансфера являются такие актуальные категории, как «нация», «гражданин», «патриотизм», «цивилизация», «культура» (референтно соотносимые с персонажами

[2] Теория культурного трансфера зародилась в середине 1980-х годов в среде французских филологов-германистов, работавших над изданием хранящихся во Франции рукописей Г. Гейне. К сущностным характеристикам метода культурного трансфера исследователи относят осмысление необходимости связей с периферией культурного пространства, культурных и национальных вкраплений «чужого» в «свое» и т. д. Е. Дмитриева признает, что между теорией культурного трансфера и «более традиционной компаративистикой, например, школой Веселовского», различие номинальное, «трудно вычленяемое» [2: с. 302–313].

и проблематикой произведений). В межкультурной перспективе «общество рассматривается не как коллективный и неизменный концепт, а как динамическое образование, в котором постоянно происходят процессы закрепления коллективных и личных идентичностей в зависимости от ситуации, контекста и исходных условий. Подобно этому и субъект представляет собой сплав языков, норм, дискурсов, систем <…>. Генерируемые этими ситуациями пограничные социокультурные явления, воспроизведенные в структурах вторичных моделирующих систем (языка и литературы), обладают наибольшим познавательным потенциалом» [9: с. 26].

Некоторые из изложенных положений о теории культурного трансфера обнаруживают близость к идеям Ю.М. Лотмана о семиосфере: понятие периферии культуры и центра, понятие границ культуры и образование знаков для перевода значений из одной культуры в другую. Самое главное, Ю.М. Лотман иллюстрировал свою концепцию примерами из художественной литературы[3]. Продуктивная перспектива сравнительного изучения литератур содержится в вопросе, в свое время сформулированном Ю.М. Лотманом: «Почему и в каких условиях в определенных культурных ситуациях чужой текст делается необходимым?» [10: с. 605]. Вспомним некоторые из рассуждений Ю.М. Лотмана о существенных параметрах сравнительного изучения культур. Катализатором развития любой культуры ученый считал фактор усложнения структуры личности, индивидуализации присущих ей, кодирующих информацию механизмов; интенсивность проявления этого фактора, по мнению Ю.М. Лотмана, возрастает в «эпохи наибольшего развития и усложнения социокультурной жизни» [10: с. 606]. Важнейшим условием осуществления данного процесса ученый считал «акт обмена», предполагающий наличие «другого» — партнера в обмене. «Наименее приспо-

[3] Как показывают новейшие исследования, «логика теории Лотмана» делает возможным применение ее и в современном политическом мышлении. По словам Д. Монтичелли, «то, к чему приходит Лотман через анализ функционирования культуры, — фактически обобщающий семиотический механизм», позволяющий выяснить истоки проблем в современной политике идентичностей, проблем, которые нередко рассматриваются как незначительная реакция на «побочные эффекты» глобализации [11: с. 40–55].

собленным для передачи», согласно мысли ученого, оказываются художественные тексты, представляющие собой «системы с большой внутренней неопределенностью» [10: с. 613]. В этом случае для осуществления обмена актуализируется «механизм неадекватного, условно-эквивалентного перевода», релевантный и традициям внутри данной культуры, и ее метаописаниям, что в конечном результате служит созданию новых текстов. Таковым представлялся ученому *механизм творческого мышления*: каждый новый факт культурного контакта увеличивает информационную ценность воспринимающей культуры, потому что «интериоризированный» ею текст «способен в новом контексте раскрываться совершенно новыми смыслами» [10: с. 608, 610, 613].

Процитированные рассуждения побуждают учитывать в сравнительном изучении национальной идентичности информационную ценность текстов обеих культур и перераспределение смыслов в соответствии с усложнением как структуры конкретной творческой личности, так и механизмов, кодирующих информацию ее культуры. Такой подход организует, как представляется, структурирует и функционально поддерживает литературоведческая парадигма (идентичность автора произведения, героя произведения или самого произведения как феномена национальной литературы), и в этом случае литературное произведение анализируется и как собственно жанрово-структурное словесное образование (о чем писали М.К. Попова, И.О. Шайтанов), и как текст культуры (в лотмановском понимании — как «интериоризация» ценностей одной культуры в ценностную систему координат другой).

Полученные результаты

Задолго до того как началась открытая дискуссия о соотношении культуры и глобализации, в первых произведениях русской и литовской литературы, позднее названных постмодернистскими, уже было ощущение, что они написаны с целью изображения нивелировки культурных ценностей и стирания идентичностей советской действительностью. Выбор трех произведений —

«Москва – Петушки» (1970) Венедикта Ерофеева [3, 4], «Вильнюсский покер» (1989) Ричардаса Гавялиса [22] и «Тула» (1991) Юргиса Кунчинаса [26] — обусловлен сходством проблематики: идеей множественности (вследствие стирания или утраты) субъектной идентичности: социальной, исторической, национальной, этнической, гендерной в условиях советского общества. Наличие проблемы национально-культурной идентичности зафиксировано и осмыслено русскими и литовскими писателями в ракурсе этнонациональных ценностей своей культуры. Литовские романисты напрямую связывали торжество тоталитарной системы с разрушением личности, забвением духовного богатства нации. Современный исследователь отмечает в русском постмодернизме «осязаемую «русскость», либо «советскость», либо то и другое одновременно» [7: с. 9]. Характерной чертой русского постмодернизма 1960–1970-х годов XX века было использование авторской маски, благодаря чему «преодолевался тоталитаризм языка, разрушался культ писателя-пророка <…>» вследствие утвердившейся тенденции применять прием постмодернистского уничтожения принципа индивидуальности: [15: с. 86, с. 198]. Этот существенный аспект сформировал особую романную ситуацию (личность, микросреду и среду) в указанных произведениях, на основании чего можно выделить сходство и различия в создании субъективного образа советского столичного города — Москвы и Вильнюса как референта личности[4]: оценить топографические, архитектурные предпочтения урбанистического мира и соответственно модель изображения в аспекте соотнесения с осознаваемой субъектом идентичностью.

«В конце XX в. один из ведущих акцентов в интерпретации поэмы “Москва – Петушки” был сделан на пародийно-абсурдирующей деконструкции коммунистического метанарратива [15: с. 115]. Спустя десятилетие «<…> ассоциации с советской

[4] «<…> к пространствам, с которыми сосуществует культурное пространство, можно отнести: пространство социума, пространство личности, природы, жизненное пространство, пространство города, политики, национальное пространство» [12].

властью уже кажутся устаревшими, слишком примитивными в сложном контексте поэмы» [7: с. 312]. М. Липовецкий понимает (пред)постмодернистский тип мышления как «отталкивание от советских метанарративов», приводящее к формированию «особой структуры постмодернистского дискурса — паралогического дискурса» [7: с. 46], соотносимого с трансцендентальным измерением бытия и мира. Вен. Ерофеев наметил основные параметры романной ситуации нового типа: это — неординарный главный герой, лишенный возможности общения с подобным типом сознания, максимально суженная, зыбкая микросреда и неутомимо создаваемая воображением романная (гипертекстуальная) среда. Вслед за Ерофеевым подобный тип романной ситуации утвердился и в других произведениях российских авторов.

Предпосылкой для возникновения литовского постмодернистского романа 1980–1990-х годов XX века явился тип романа с обширным спектром признаков нравственно-психологической ориентации, получивший широкую известность в 1960–1970-е годы как литовский роман «внутреннего монолога»[5]. Сохранение жанровой преемственности предопределило такой вариант романной ситуации, когда и в постмодернистском романе была возможна дифференциация персонажей и выделение двух-трех главных героев, то есть вводился уровень микросреды. Избегая рассуждений о влияниях и заимствованиях, думается, нельзя не учитывать значитель-

[5] Оригинальную интерпретацию личности через призму ценностей литовской культуры еще в 1980-е гг. XX в. предложил А. Шлёгерис, предприняв попытку охарактеризовать идентичность героя в аспекте экзистенциальной философии. Выстраивая свою концепцию понимания Homo sovetikus и отмечая потерянность и идеализирование прошлого как сущностные черты в сознании героя литовского романа, А. Шлёгерис связывал их с социально-исторической и культурной ситуацией: «уходом Литвы из деревни в большой город» [27: p. 38]. А. Шлёгерис утверждал, что интеллектуальные и экзистенциальные метания современного героя между прошлым и настоящим были порождены несоответствием безгранично встревоженного сознания (потерявшего прежнюю опору) и ограниченной, упрощенной средой его существования в условиях города — пространства, онтологически чуждого ему. И в такой ситуации значение памяти для литовцев определяется как наилучший инструмент деструкции бытия и обретает статус безусловной ценности [27: p. 61].

ности резонанса поэмы «Москва – Петушки» как произведения, стоявшего у истоков русского постмодернисткого сознания, для всего пространства советской литературы; нельзя отрицать, что этот резонанс не достиг литовской литературы. Думается, что «Москва – Петушки» как текст культуры, относящийся к «системам с большой внутренней неопределенностью» (Ю.М. Лотман), вполне мог быть интериоризирован в некоторых существенных аспектах и литовской прозой. С точки зрения деконструктивистского подхода к этим романам, осуществленного М. Григайтисом, у Гавялиса как у автора (то есть как текстообразующей функции) единый нарратив расщепился на несколько проекций, на четыре способа письма, благодаря чему стало возможным создать «субъекта, не идентифицируемого ни с какой идеологией» [23: p. 71]. Это разделение достаточно условно, искусственно, так как «ситуацию конфликта между насильственной «объективацией» и постоянной не-идентичностью» [23: p. 79] особенно остро переживает всего один субъект из четырех, претендующий на статус главного героя, Витаутас Варгалис. Именно с его точки зрения основы жизни подвергаются тотальному обличению, например: «Но город (Вильнюс. — *М.Р.*) уже давно все потерял — даже самоуважение. Здесь остались только ложь, абсурд и страх» [22: p. 76]. Таким образом, русские и литовские романы сближаются и в отдельных аспектах жанровой проблематики критики советского, и в постмодернистских приемах и формах повествования, с помощью которых дематериализуется мир произведения. Город как эквивалент этого концепта становится по-своему рафинированной формой выражения экзистенциальной усталости не-идентифицируемого человека. Рассмотрим связи человека и города с учетом трех параметров романной ситуации. Какой человек (субъект) обитает в московском и вильнюсском пространстве? Какова эпистемологическая функция столичных городов Москвы и Вильнюса (советской столицей Вильнюс был в 1940–1991 годах) с точки зрения возможности для индивида идентифицировать и структурировать «свое» свободное пространство? Можно ли интерпретировать поиск формы

идентичности только как стратегию сопротивления тоталитарной системе, осуществляемую как отрицание (или деконструкцию) идентичности советской?

Художественное пространство социалистического города, городская топография моделируются с позиции персонажей, относящихся к категории социально неполноценных граждан, аутсайдеров, обживающих городские окраины или районы, принципиально удаленные от центра города. Функциональность художественного пространства проясняется с учетом так называемого советского проекта, ориентированного на идею разумного и сознательного планирования пространства, в центре которого — зона общественная, ставшая повсеместно, а особенно во всех советских столицах, по примеру Москвы, мощным средством воздействия на массовое сознание, а также разъяснения политических идей через наглядность архитектурных образов. У Ерофеева исторический и советский центр Москвы един — Кремль, Красная площадь, Мавзолей Ленина, памятник Минину и Пожарскому.

В романах литовских авторов у Вильнюса два центра: исторический и советский. Исторический центр — гора и замок князя Гядиминаса, основателя города, и Кафедральная площадь у подножия горы, ассоциирующиеся с культурными ценностями не только города, но и самой Литвы, — оказывается периферией. Значимость такой перемены ощущал каждый литовец: «Делалось решительно все, чтобы выкорчевать прошлое и привить новый образ мышления. Конечно, это не ограничивалось снятием крестов и неожиданным переименованием кинотеатров “Казино” и “Адрия” в “Москву” и “Октябрь” <…>. Новую идеологию насаждали всевозможными способами, при этом так, чтобы унизить побольнее, показать человеку, что он ничего не стоит <…>. Достаточно рано я начал воспринимать вильнюсскую архитектуру как знак. <…> Это было высокое прошлое посреди странного и ненадежного настоящего, традиция в мире, внезапно лишенном традиций, культура в мире не-культуры» [19: с. 194–195]. Для советского центра Вильнюса было характерно внедрение матрицы привилегированного места для советских символов власти. Это площадь, «где царит Ленин» (памятник Ленину

напротив здания литовского КГБ), где, как и на Красной площади, отводилось место для трибуны, на которой во время демонстрации стояли первые и лучшие люди государства — «марионетки» [22: p. 23]. Авторы-персонажи всех романов отвергают принудительные навыки освоения и использования советского пространства, в частности, обязательное посещение советским человеком Красной площади, в Вильнюсе — площади Ленина. Герои начинают движение к своей «иллюзии идентичности», укладывающееся в схему удаления от советского центра. Веничка как житель вообще не имеет своего места в Москве и устремляется прочь из нее, в его пьяном сознании зафиксирован устойчивый вектор: в поисках Кремля он «неизменно» движется в сторону Курского вокзала через ресторан и «к поезду через магазин» [3: с. 123, 128]. Столичные жители у Гавялиса и Кунчинаса, отвергая советский центр, обитают на окраинах Вильнюса, не в силах покинуть город: на берегу реки Нерис, «реки времени и памяти», из Нерис «можно зачерпнуть воды, видевшей основание Вильнюса» [22: p. 23] и т. д.

Благодаря ассоциациям с литературным, философским, библейским дискурсами, российское литературоведение немало сделало для интерпретации маршрута Москва – Петушки и направления движения «туда и обратно» как бегства «из ада в рай». В таком контексте московское знаковое пространство интерпретируется критикой как «адское». Поездки Венички принимают своеобразную форму бегства, осложненную «исторически сложившимся в России “синдромом убегания от власти”» [18: с. 155].

В литовской постсоветской критике общим местом является взгляд на Вильнюс как на «пространство, травмированное оккупацией, разрушающее и уничтожающее субъекта изнутри» и наружно[6] [23: p. 32]. У Гавялиса оно «фокусирует все начала зла» [31: p. 75], физические и метафизические: населено «канукай» (кровососущими сущностями) в человеческом обличьи, «надзирателями», «наблюдателями», «смотрителями» [22: p. 40], а управляемо — «Вильнюсским драконом», у которого головы говорят (и ругаются) на разных язы-

[6] «Телесный аспект» в интерпретации романа — один из самых популярных в критике [24: p. 82–89].

ках: литовском, польском, русском [22: p. 24]. У Кунчинаса советская ипостась Вильнюса — «органы» (КГБ), пациенты наркологического отделения клинической больницы (будущие самоубийцы, шизофреники) [26: p. 113], пациенты и сотрудники ЛТП, «тюрьмы для алкоголиков» [26: p. 135]: хронические алкоголики «синюгос» (siniūgos) и «шустрякай» (šustriakai), таблеточные наркоманы «замурова́нные» (zamurovanyj) [26: p. 139] и огромное количество маргиналов всех мастей. Маршрут движения в обход центральных мест — бесконечный лабиринт, а конфигурация пространства исторического Вильнюса — «средневекова: сеть уличек, все здесь криво, стиснуто и запутано» [19: с. 194], здесь блуждающие герои и теряют ощущение времени и пространства. Для героя Гавялиса современный Вильнюс мертв, потому что он потерял свою историю и былое величие. В романе Кунчинаса город жив, но места в нем для героя нет.

Поиск идентичности включает в себя и попытки приобщения к этнонациональным ценностям и происходит на улицах Старого города, слившегося с историческим центром Вильнюса. В отличие от Москвы, из которой герой Ерофеева периодически выезжает, внутри Вильнюса, литовской столицы, «обжитой другими — евреями, поляками, русскими, но не литовцами», этого «ужасного коктейля» [22: p. 77] из Востока и Запада, как бы находится некое идеальное этнонациональное пространство, в котором актуализируются смысловые пласты, связанные с ностальгией о гордом и мощном духе литовских князей, о Великом княжестве Литовском, эквиваленте литовской идентичности и важнейшем архетипе литовской культуры. Однако такого экзистенциального пространства в советском Вильнюсе герою Гавялиса, представителю исчезающих видов homo lituanicus и homo Vilnensis, найти не суждено, он слышит, как «по ночам надрывно воет и просит о помощи Железный Волк»[7] [22: p. 77]. Кунчинас, сохраняя яркие приметы реального Вильнюса 1970–1980-х годов, создает образ

[7] В легенде об основании Вильнюса говорится, что князю Гядиминасу приснился сон: на горе выл одетый в железные доспехи волк. По толкованию жрецов, на том месте должен был быть построен крепкий замок и город — столица государства.

города-мифа «по логике ощущений» [23: p. 99]: «Вильнюс — город богемы, город обреченных, город тумана» [26: p. 12, 49], что, по мнению исследователя, никак не идеологизировано.

«Нетрезвый герой» сближает произведения, особенно Ерофеева и Кунчинаса. С одной стороны, советские времена с этой точки зрения — «эпоха всеобщей невменяемости» [7: с. 315]. Одним из «веселых кощунств пьянства» [7: с. 297] является его сакрализация: «А для чего нужны стигматы святой Терезе? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны» [3: с. 131]. Но что для русского — культурная традиция, то для литовца просто тяжкое состояние, болезнь, мотивированная непереносимостью советской системы: «Искал *правды*, с головой уходя в самый дешевый алкоголь. Искал ответа <…>, губя себя. Другого пути, возможно, и нет» [22: p. 79]. От болезни же алкоголик-интеллигент у Кунчинаса должен был принудительно лечиться в ЛТП. «Алкоголизм в Европе не вводился в систему художественно-философской мифологии искусства» [21], в этом смысле пьющему литовцу нечего было наследовать[8]. И если в критике 1980–1990-х годов отношение к нему было весьма настороженное и даже саркастическое (откуда он такой взялся?), то при деконструктивистском подходе это состояние героя оказывается своего рода формой письма как способом «сигнификации действительности» [23: p. 99]. Тяжкое состояние героев также мотивирует их выбор мест обитания в Вильнюсе. Следовательно, во всех трех произведениях децентрированный субъект отчужден от столичного города, центра тоталитарной власти, репрессий, порядка. Веничка стремится покинуть это пространство (вернувшись в него, гибнет), а литовские персонажи в нем остаются и ищут свои «досоветские» ниши.

Помимо разрушения и отрицания идеологического тела столицы для каждого автора город маркирован гендерно. В отличие от русского образа Москвы как города-девы (невесты), Москва

[8] Впрочем, релевантным (наряду с поэмой Ерофеева) текстом для Кунчинаса мог стать и роман Ханса Фаллады «Пьяница», который Кунчинас перевел с немецкого на литовский язык в 1993 году.

у Ерофеева метонимизирована в Кремль[9] как воплощение репрессивного маскулинизма (имплицитно на это указывают детали — памятник Минину и Пожарскому, четверо в переулке, герой Ерофеева бежит прочь в поисках уголка, «где не всегда есть место подвигу» [3: с. 128].

В отличие от маскулинизации образа Москвы, угасание Вильнюса мыслится как следствие его «феминизации». В связи с этим возникает образ кастрированного — бесполого — тела города. В восприятии персонажа Гавялиса прошлое Вильнюса — маскулинное, гордое и славное. Настоящее — кастрация сакрального городского пространства: горы и башни замка Гядиминаса: «Неотвратимо реальный только старый замок в новом городе: одинокая башня, вынырнувшая из обросших скатах горы — фаллический символ Вильнюса. Он выдает все тайны. Символический phallos Вильнюса: короткий, тупой и бессильный <…> Великий знак кастрированного города и кастрированной Литвы» [22: p. 58]. По словам И. Ведрицкайте, гротескное видение Гавялисом гендерных элементов мотивировано эстетикой абсурда и «связано с латентным человеческим страхом стать жертвой агрессии или обратить свою агрессию против других» [31: с. 76]. Заданные Гавялисом жесткие координаты абсурдистской дискредитации всего и вся (советской системы, пола, города с его национальной историей) коррелируют и с идентичностью героя.

Гендерный аспект идентификации позволяет анализировать традиционный для романной ситуации уровень микросреды, реализующий сексуальные и любовные отношения. В поэме Ерофеева вне Москвы появляется образ «той самой, в Петушках» [3: с. 148], являющийся важным условием субъективации для героя. Согласно

---

[9] В статье В. Топорова, посвященной культурным моделям освоения женских ипостасей городского пространства, встречается и такое интересное замечание: «Более сложная (и здесь не рассматриваемая) картина возникает в том случае, когда городу (fem.) противопоставляется его ядро, сердцевина — бург, крепость, детинец, кремль (masc.), ср. выше — о храме, с одной стороны, и об алтаре-*vagina* и пламени-*membrum virile*, с другой» [17: с. 131]. Эта «более сложная картина», как видим, присутствует и в поэме Ерофеева, и в романе Гавялиса, но выполняет разные функции.

Липовецкому, «устремленность к трансцендентальному означаемому в сочетании с алкогольным “священным безумием” подчеркивает гротескность его миссии: хранителем слова как логоса, смысла как несбыточного обещания трансценденции, Царем, а в пределе — Христом оказывается в буквальном смысле “последний из людей”, последний пропойца, кабацкий ярыжка, юродивый» [7: с. 315]. Аналогично решение и женской сущности, вообще предполагающей дифференцирующий момент, связанный с полом. Устремленный к трансцендентности соловьевский инвариант[10] классического литературного кода Вечная Женственность у Ерофеева представлен гротескно сниженным образом «чего-то там такого женского» [4: с. 58]. Ограничусь примерами: «Подруга вечная», «Лазурь кругом, лазурь в душе моей» [14] трансформированы в гротескную альтернативу маскулинному как «бесстыжей царицы с глазами, как облака», «гармонической суки» [4: с. 48, 52]. А с точки зрения романного пространства устремленность героя «к ней» можно толковать и как несбыточное стремление к избавлению: «Вы спросите: “Да где ты, Веничка, ее откопал <…>? И может ли в Петушках быть что-нибудь путное?” — Может! — говорю я вам, и говорю так громко, что вздрагивают и Москва, и Петушки. — В Москве — нет, в Москве не может быть, а в Петушках — может! <…>» [4: с. 52]. Дискурсивный характер идентичности включает в себя появление абсурдных коннотаций (не)возможного мужского гендерного самоопределения героя: «Я на всякий случай тихонько всего себя ощупал: какая же я после этого “милая странница”? С чего он взял? Да и к чему? Можно, конечно, пошутить — но ведь не до такой же степени нелепо!» [4: с. 147].

Стремление героя Гавялиса найти истинное пространство города, как бы найти корень идентичности, превращается в его стремление овладеть телом женщины: прекрасным телом «ведьмы бестелесного вымершего, парализованного Вильнюса» [22: p. 278].

---

[10] Множество аллюзий на поэму «Три свидания» обнаруживаются у Ерофеева начиная с главы «Реутово – Никольское»: мотив заветного свиданья, путешествие (в Каир), попутчики, мотив райского блаженства, сверхпрозрения и тайны и др.

Видимо, поэтому в любовных отношениях проявляется деструктивный потенциал коллективной психики, вызывающий как бы ничем не мотивированный приступ агрессивности; любовное свидание моделируется как разрушение женского тела: «<…> он уродовал тело Лолки совсем не садистски <…> делал свое дело, как призрак, тщательно и внимательно, он что-то искал, коверкал то тело не просто так, а словно что-то ища, что там, он это знал наверняка, там есть, словно копал землю, стараясь что-то найти, только не клад <…> скорее, страшную бомбу, которой можно взорвать весь Вильнюс <…> медленно поднялся, равнодушно глядя вниз на изуродованное тело <…>» [22: p. 370]. Гавялис воспринимает женский элемент как олицетворение и противоречие тоталитарного порядка Вильнюса. Вновь заметим, что женское ассоциируется с больным, слабым, демоническим, умирающим. Настоящее Вильнюса для героя ассоциируется с уродливыми женщинами (сходство женского и кастрированного). Женщина понимается только как объект, «биологическая» идентичность, фон для процесса становления новой мужской идентичности. Маскулинный Вильнюс якобы восстанавливается благодаря подчинению и преодолению женского. Уничтожив женское тело, герой, однако, лишается возможности контакта с объективной реальностью или другим субъектом; не будучи в состоянии быть мужчиной, он попадает в лабиринт безумия, блуждая по лабиринту вильнюсских улиц: «Вильнюс — *абсолютный* лабиринт, из которого никогда не выйти на свободу» [22: p. 43].

В романе Кунчинаса образ Вильнюса также феминизированный: и здесь советский Вильнюс ассоциируется с больным, инвалидным женским телом. Только Старый город, и особенно запущенный в советские годы район Старого города — Ужупис (Заречье), символично связаны с телом возлюбленной — Тулой. Старинные здания и прекрасные храмы там полуразрушены, в них обитают маргиналы, но именно в этом месте главный герой переживает недолгое счастье. Возлюбленная героя романа также выступает в двух ипостасях: она и реальная женщина, и субъект, в котором герой способен прозревать надличные трансцендентные смыслы. Можно сказать, что Кунчинас воспринимает женское и как объект, и как субъект, ассоциируя женское качество с эмоциональностью,

телесностью, любовью. «Тело» героя Кунчинаса превращается в «тело» города после любовной сцены с женщиной. Переживая несколько кризисов идентификации, герой сосредоточен не столько на разрушении, насилии, деструкции, сколько на создании своего пространства. «Мое» (наше с тобой) место» [4: с. 230] — это дом Тулы (по ул. Малуну 3, домом с апсидой на берегу реки Вильняле), в котором герой почти по-язычески хоронит возлюбленную. Связь героя и такого города — это переживание и восстановление мифа о литовском Вильнюсе, но в ином, трансцендентом, ракурсе: «Как настойчиво искал я хотя бы хрупких намеков на свою связь с Вильнюсом» [26: p. 40]. Конечно, основная цель — освоение постсоветским литовцем экзистенциального пространства города, что предполагает получение своего духовного наследия, а также буквально одомашнивание этого пространства. Связь литовца с миром, как положительная сторона экзистенции, возможна в том случае, если он «смотрит на мир с порога родного дома» [8: с. 36]. Наличие «замкнутого» пространства родного дома — важнейший элемент самоидентификации литовца. Превращаясь в летучую мышь, рассказчик аннигилирует себя как субъекта советского общества и, наконец, идентифицируется с городом, гротескно утверждая свое право на наследство: он обретает свободу в небе над городом.

Таким образом, интерпретируя утрату героями трех произведений символических признаков их гендерной, социальной идентичности на уровне «перераспределения смыслов» (Ю.М. Лотман), и в романной микросреде можно зафиксировать тенденцию использования устойчивых знаков русского или литовского культурного пространства, релевантных метаописаниям национальной культуры.

Выводы

Изображение проблематики идентичности в указанных произведениях является свидетельством сходных и различных потребностей в идентификации как в стремлении к относительно устойчивой и одновременно гетерогенной целостности, несовместимой с дихотомией «социалистического» содержания и «национальной» формы в советской литературе. Писатели 1960–1990-х годов показали, что в советские времена национальная идентичность едва не превра-

тилась в миф. Процесс идентификации проанализирован с учетом романной структуры, и данный критерий позволил сосредоточиться на дискурсивной идентификации героя благодаря вовлечению периферии, окраин города в процесс деабсолютизирующей переоценки ценностей: сакральности советской столицы — центра системы. Устройство, прагматика и мифология города вписываются в новую эпистемологию, ориентирующую на преодоление тоталитарного мышления и языка. Сохраняя свои топографические приметы и выполняя эпистемологическую функцию «адского» пространства, Москва и Вильнюс, так сказать, децентрированы изнутри сквозь призму «русскости» и «литовскости», что наводит на мысль о закономерности ориентира на онтологически устойчивую ценность — этнокультурную идентичность. Для Ерофеева Москва расположена в координатах русского архетипического пространства: в качестве фрагмента внешнего мира она осознается героем как пространство «чужое» (провинциальные Петушки в качестве фрагмента внешнего мира осознаются как близкое и родное, но недостижимое пространство). Подобный аспект отношений человека и города у Ерофеева мыслится как метафизический, или паралогический (М. Липовецкий): герой переживает несколько (недо)воплотившихся идентичностей. У Гавялиса и Кунчинаса — метафизический аспект отношений человека и города включает в себя и (не)возможность физического обживания, они хотели бы присвоить Вильнюс как свое — литовское — пространство для жизни. Соответственно герой Ерофеева совмещает все аспекты субъектной (и трансцендентной) идентичности в русском культурном образе юродивого – странника – пьяницы – мудреца, а децентрированные интеллектуалы Гавялиса и Кунчинаса — Lituanus с акцентированными национальными ценностями, которые могли бы сказать: Вильнюс — это я[11]. Подобное в устах Венички

[11] «Для литовцев Вильнюс — это символ исторической непрерывности и единства, нечто вроде Иерусалима. <…> Когда спорят о Вильнюсе, спорят об историческом ранге этого города: региональный ли это центр или одна из традиционных восточно-европейских столиц. Речь также идет о ранге и выживании Литвы. Потому что без Вильнюса Литва — эфемерное государство, а с Вильнюсом она обретает все свое прошлое и всю историческую ответственность» [19: с. 199–200].

невозможно представить. Обращение к художественным произведениям прошлых лет предоставляет возможность осмыслить причины и обстоятельства, которые могут быть учтены в контексте рассмотренных выше аспектов дискуссии о современных проблемах культуры и общества. Имеется в виду сходство возникновения этой проблемы: 1) в результате предписывания идеологии и культуры в тоталитарном обществе и 2) в результате современных глобализационных процессов с их декларируемой ориентацией на плюрализм культур, что в некоторых случаях сопровождается ощущением угрозы стабильности национальной культуры[12]. Настойчивость, с которой отвергалась «прививка» советского нивелирующего элемента, может быть учтена при прогнозе ожиданий и решения проблем в едином европейском культурном пространстве.

Литература

1. *Ананова Л.В.* Проблема исследования национальной идентичности в современной западноевропейской культуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Философия). 2007. № 11 (74). С. 98–100. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problema-issledovaniya-natsionalnoy-identichnosti-v-sovremennoy-zapadno-evropeyskoy-kulture.

2. *Дмитриева Е.* Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.

3. *Ерофеев В.В.* Москва – Петушки // Ерофеев В.В. Мой очень жизненный путь. М.: Вагриус, 2003. С. 119–218.

4. *Ерофеев В.В.* Москва – Петушки: поэма. М.: Вагриус, 2007. 188 с.

5. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 354 с.

6. *Куренной В.* Конструктивный национализм: В основе этнических конфликтов — столкновение городской и негородской культур // Российская газета. 2011. 22 апреля.

---

[12] Еще в 2003 г., намечая перспективы развития «литовской литературы, живущей в параметрах европейского пространства и открытой культуре Запада», авторитетнейший литуанист В. Кубилюс делал оговорку: «<…> если в жерновах глобализации нация сумеет остаться собой и не отвернуться от национальной / народной культуры» («<…> jei globalizacijos malūne tauta pajėgs išlikti savimi ir nenusigręš nuo tautinės kultūros») [25: p. 95].

7. *Липовецкий М.* Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов // Новое литературное обозрение. 2008. С. XXIX–848.

8. Литература в новой ситуации (Диалог: Витаутас Кубилюс и Юстинас Марцинкявичюс) // Вопросы литературы. 1988. № 11. С. 3–45.

9. *Лобачёва Д.В.* Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (98). С. 23–27.

10. *Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Семиосфера / Сост. М.Ю. Лотман. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 603–614.

11. *Монтичелли Д.* Самоописание, диалог и периферия у позднего Лотмана // Новое литературное обозрение. 2012. № 115. С. 40–55.

12. *Орлова Е.В.* Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. № 3 (18). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura.

13. *Попова М.К.* Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 2. С. 45–48.

14. *Соловьев В.С.* Три свидания. URL: http://scanpoetry.ru/poetry/10976.

15. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. Минск: Институт современных знаний, 2000. 350 с.

16. *Тишунина Н.В.* Современные представления о глобальном характере социокультурного развития человечества // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. СПб.: Янус, 2005. С. 3–28.

17. *Топоров В.Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

18. *Филюшкина С.* Национальный стереотип в массовом сознании и литературе // Логос. 2004. № 4 (49). С. 141–155.

19. *Чеслав Милош, Томас Венцлова.* Вильнюс как форма духовной жизни / Пер. с польск. А. Израилевич // Старое литературное обозрение. 2001. № 1 (277). С. 188–201.

20. *Шайтанов И.О.* Компаративистика и/или поэтика. М.: РГГУ, 2010. 642 с.

21. *Ястребов А.Л.* В. Ерофеев: риторика и мифология национального характера. URL: http://moskva-petushki.ru/articles/3mkttgu/v_erofeev_ritorika_i_mifologija_natsionalnogo_xaraktera/1.

22. *Gavelis R.* Vilniaus pokeris: romanas. Vilnius: Vaga, 1989. 398 p.

23. *Grigaitis M.* Rašymų įvairovė Broniaus Radzevičiaus, Ričardo Gavelio, Jurgio Kunčino romanuose // Daktaro disertacija. Vilniaus universitetas, 2012. 130 p. URL: http://vddb.library.lt/obj/LT-eLABa-0001:E.02~2012~D_20121214_110754-99406.

24. *Čerškutė J.* Ričardas Gavelis: dekonstrukciniai žaidimai miesto kūne / kūno mieste // Metai. 2008. № 1. P. 82–89.

25. *Kubilius V.* Tautinė literatūra globalizacijos amžiuje // Tautinė literatūra globalizacijos amžiuje. Kaunas, 2003. P. 80–95.

26. *Kunčinas J.* Tūla. Vilnius: Vaga, 1993. 193 p.

27. *Šliogeris A.* Žmogaus egzistencija ir dabartinis romanas // Šiuolaikinės literatūros pasaulis. Vilnius: Vaga, 1989. P. 32–62.

28. Tapatybės problema XX amžiaus lietuvių literarūroje: Mokslo straipsniai // Sudarytoja G. Vanagaitė. Vilnius: VPU l-la, 2008. 205 p.

29. Tauta, kalba ir tapatybė: [straipsnių rinkinys] / Algis Norvilas; [Lietuvos Respublikos] švietimo ir mokslo ministerija, Vilniaus universitetas. 2-asis leid. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2013. 148 p.

30. *Vaičiulėnaitė N.E., Radzevičienė S., Pabarčienė R.* Komparatyvinis Europos literatūros matmuo: mokslo studija. Vilnius: VPU leidykla, 2010. 84 p.

30. *Vedrickaitė I.* Harmoniją sapnuojantis groteskas // Lituanistica. 2009. Tomas 55. № 1–2 (77–78). P. 68–84.

References

1. *Ananova L.V.* Problema issledovaniya nacional'noj identichnosti v sovremennoj zapadnoevropejskoj kul'ture // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki (Filosofiya). 2007. № 11 (74). S. 98–100. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/problema-issledovaniya-natsionalnoy-identichnosti-v-sovremennoy-zapadno-evropeyskoy-kulture.

2. *Dmitrieva E.* Teoriya kul'turnogo transfera i komparativny'j metod v gumanitarny'x issledovaniyax: oppoziciya ili preemstvennost'? // Voprosy' literatury'. 2011. № 4. S. 302–313.

3. *Erofeev V.V.* Moskva – Petushki // Erofeev V.V. Moj ochen' zhiznenny'j put'. M.: Vagrius, 2003. S. 119–218.

4. *Erofeev V.V.* Moskva – Petushki: poe'ma. M.: Vagrius, 2007. 188 s.

5. *Krasny'x V.V.* «Svoj» sredi «chuzhix»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 354 s.

6. *Kurennoj V.* Konstruktivny'j nacionalizm: V osnove e'tnicheskix konfliktov — stolknovenie gorodskoj i negorodskoj kul'tur // Rossijskaya gazeta. 2011. 22 aprelya.

7. *Lipoveczkij M.* Paralogii: Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920–2000-x godov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. S. XXIX–848.

8. Literatura v novoj situacii (Dialog: Vitautas Kubilyus i Yustinas Marcinkyavichyus) // Voprosy' literatury'. 1988. № 11. S. 3–45.

9. *Lobachyova D.V.* Kul'turny'j transfer: opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturny'x vzaimodejstvij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2010. № 8 (98). S. 23–27.

10. *Lotman Yu.M.* K postroeniyu teorii vzaimodejstviya kul'tur (semioticheskij aspekt) // Semiosfera / Sost. M.Yu. Lotman. SPb.: Iskusstvo – SPB, 2000. S. 603–614.

11. *Montichelli D.* Samoopisanie, dialog i periferiya u pozdnego Lotmana // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. № 115. S. 40–55.

12. *Orlova E.V.* Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, specifika, struktura // Analitika kul'turologii. 2010. № 3 (18). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura.

13. *Popova M.K.* Problema nacional'noj identichnosti i literatura // Vestnik VGU. Seriya 1. Gumanitarny'e nauki. 2001. № 2. S. 45–48.

14. *Solov'yov V.S.* Tri svidaniya. URL: http://scanpoetry.ru/poetry/10976.

15. *Skoropanova I.S.* Russkaya postmodernistskaya literatura: novaya filosofiya, novy'j yazy'k. Minsk: Institut sovremenny'x znanij, 2000. 350 s.

16. *Tishunina N.V.* Sovremenny'e predstavleniya o global'nom xaraktere sociokul'turnogo razvitiya chelovechestva // Globalizm v sisteme kategorij sovremennoj kul'turologicheskoj my'sli. SPb.: Yanus, 2005. S. 3–28.

17. *Toporov V.N.* Tekst goroda-devy' i goroda-bludniczy' v mifologicheskom aspekte // Issledovaniya po strukture teksta. M.: Nauka, 1987. S. 121–132.

18. *Filyushkina S.* Nacional'ny'j stereotip v massovom soznanii i literature // Logos. 2004. № 4 (49). S. 141–155.

19. *Cheslav Milosh, Tomas Venczlova.* Vil'nyus kak forma duxovnoj zhizni / Per. s pol'sk. A. Izrailevich // Staroe literaturnoe obozrenie. 2001. № 1 (277). S. 188–201.

20. *Shajtanov I.O.* Komparativistika i/ili poe'tika. M.: RGGU, 2010. 642 s.

21. *Yastrebov A.L.* V. Erofeev: ritorika i mifologiya nacional'nogo xaraktera. URL: http://moskva-petushki.ru/articles/3mkttgu/v_erofeev_ritorika_i_mifologija_natsionalnogo_xaraktera/1.

22. *Gavelis R.* Vilniaus pokeris: romanas. Vilnius: Vaga, 1989. 398 p.

23. *Grigaitis M.* Rašymų įvairovė Broniaus Radzevičiaus, Ričardo Gavelio, Jurgio Kunčino romanuose // Daktaro disertacija. Vilniaus universitetas, 2012. 130 p. URL: http://vddb.library.lt/obj/LT-eLABa-0001:E.02~2012~D_20121214_110754-99406.

24. *Čerškutė J.* Ričardas Gavelis: dekonstrukciniai žaidimai miesto kūne / kūno mieste // Metai. 2008. № 1. P. 82–89.

25. *Kubilius V.* Tautinė literatūra globalizacijos amžiuje // Tautinė literatūra globalizacijos amžiuje. Kaunas, 2003. P. 80–95.

26. *Kunčinas J.* Tūla. Vilnius: Vaga, 1993. 193 p.

27. *Šliogeris A.* Žmogaus egzistencija ir dabartinis romanas // Šiuolaikinės literatūros pasaulis. Vilnius: Vaga, 1989. P. 32–62.

28. Tapatybės problema XX amžiaus lietuvių literarūroje: Mokslo straipsniai // Sudarytoja G. Vanagaitė. Vilnius: VPU l-la, 2008. 205 p.

29. Tauta, kalba ir tapatybė: [straipsnių rinkinys] / Algis Norvilas; [Lietuvos Respublikos] švietimo ir mokslo ministerija, Vilniaus universitetas. 2-asis leid. Vilnius: Vilniaus universitetas, 2013. 148 p.

30. *Vaičiulėnaitė N.E., Radzevičienė S., Pabarčienė R.* Komparatyvinis Europos literatūros matmuo: mokslo studija. Vilnius: VPU leidykla, 2010. 84 p.

30. *Vedrickaitė I.* Harmoniją sapnuojantis groteskas // Lituanistica. 2009. Tomas 55. № 1–2 (77–78). P. 68–84.